

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой политической социологии и социологической лаборатории
Харьковского национального университета
им.В.Н.Каразина

Сохраняют ли значение классовые основания политического участия?¹

Abstract

Researchers of post-communist societies face with a lot of questions related to political involvement which can't be explained within the classical transition theories or democratic theories of political participation. By what way can be explained a phenomenon of declining of political participation under development of democracy, or the phenomena of latent protest potential, of the returning to the left voting as well as a phenomena of burst of conventional political participation during and post-“Orange revolution” period in Ukraine? The author argues and examines a prospect of class analysis methodology applied to investigation of social based differences in political involvement. The using of vary research methodology within the class analysis and based on the ESS 2004/2005 data-base allows to make some important conclusion concerning to links between class-liked social groups and milieus and political involvement. In particular, there were argued the evidences of manifestation of political involvement by social classes forming within the market competitive environment and possessing the strong resources of competence and creditableness. In comparison with such groups, other ones which do not have these kinds of resources at the same time manifest both strong dependence on urban factors and absence of significant political involvement.

¹ В статье использованы эмпирические данные, полученные в опросе, проведенном в рамках проекта Европейское социальное исследование (ЕСИ) (руководитель проекта — профессор Лондонского университета Роджер Джоуэл).

Данные приводятся из репрезентативного для взрослого населения Украины опроса, осуществленного в марте–апреле 2006 года в Институте социологии НАНУ. Участники украинской части проекта: Е.Головаха — национальный представитель в Исполкоме ЕСИ; А.Горбачик — национальный координатор; Н.Панина — эксперт по методам и организации сравнительных социологических исследований.

Проект поддержан Президиумом НАН Украины и выполнен по гранту Международного фонда “Відродження” № 2500371 от 01.03.2005 года.

Приступая к размышлениям о том, в какой мере классовый анализ может быть использован для объяснения политических установок и поведения граждан в быстро меняющихся условиях посткоммунистических трансформаций, следует сказать, что обращение к классовому анализу не означает отрицания других способов анализа политического поведения и социального процесса. Особенностью же классового анализа является определение существенных различий интересов, специфики восприятия, установок и ценностей больших групп людей, которые занимают разные позиции в пространстве социальных возможностей, обладают разными жизненными шансами и социальными перспективами, чьи интересы могут быть выражены политическими средствами и представлены на уровне публичной политики. Такие различия способны задавать векторы общественного выбора, проявляющиеся не только на индивидуальном, но и на социальном, институциональном и, в целом, системном уровнях. Какую роль классовые отношения играют в политическом поведении граждан? В какой мере конфигурации общественного выбора в современной Украине зависят от факторов классового сознания? Далее будут обозначены подходы к поиску ответов на эти вопросы и некоторые результаты эмпирического анализа проблемы применительно к современному украинскому обществу.

Политическое участие как “загадка” демократического развития

Проблема участия граждан неразрывно связана с возникновением конституционного государства и развитием демократии. Вместе с тем, несмотря на огромный политический опыт современных демократий и значительные достижения в его исследовании, в современных социальных науках одной из наиболее дискуссионных остается проблема объяснения участия граждан в политическом процессе, мотивов их стремления так или иначе влиять на принятие общественных решений или, наоборот, отчуждения от этого процесса, а также объяснения (не-)успешности институтов демократии и гражданской культуры в поддержке стремления к политическому участию граждан.

Дискуссионность связана как с нерешенными собственно теоретическими проблемами (что понимать под политическим участием и в какой мере оно должно быть достаточным, чтобы демократия “работала?”), так и с многочисленными эмпирическими вызовами, с которыми сталкиваются социальные науки в объяснении этого феномена.

Теоретическая интерпретация понятия политического участия существенно зависит от общих представлений о мере свободы человека в обществе и роли публичной политики. В традиционной теории демократии участие трактуется как гражданская обязанность, как признак политического здоровья, как лучший метод обеспечения учета индивидуальных интересов в политическом процессе. Эта традиция воплощает идеальную модель “человека политического” — человека, который преодолевает свое “животное” состояние и выступает как гражданин в сфере публичных интересов. В таком понимании политическое участие оказывается:

- функцией гражданственности как состояния личности, ее интенции включения в общество;
- функцией меры свободы человека в обществе;
- функцией политики, способной быть публичной трибуной для трансформации частных интересов в общественные. При этом нераскрыты-

ми остаются вопросы о том, какое участие имеется в виду? В референдумах? В выборах? В акциях протеста? В других формах? В каком объеме? По поводу каких проблем? В какой мере политические действия граждан должны получать отклик системы и/или приносить индивидуальное удовлетворение для того, чтобы можно было говорить о проявлениях участия? И этот перечень вопросов можно продолжить.

В последнее время онтологическая сторона проблемы обострилась в связи:

- со специфическими проявлениями “третьей волны” демократизации (по С.Хантингтону);
- с уходом большого количества стран от системы государственного социализма;
- с расширением Европейского Союза, что требует формирования нового институционального дизайна, гражданской идентичности и поддержки.

Сформулируем, по крайней мере, четыре серьезных проблемы — назовем их загадками участия, — с которыми столкнулись исследователи посткоммунистических обществ.

1. “Загадка спада активности”. В обществах, переживавших посткоммунистические трансформации, ожидался существенный рост и дальнейшая стабилизация заинтересованного широкого политического участия граждан. Такие ожидания, по крайней мере, были основаны на представлениях о массовых устремлениях к свободе и общественному благосостоянию, а также на том, что при государственном социализме массовые конвенциональные формы политического участия имели в основном мобилизованный характер и были призваны придать видимость легитимности режиму, а стимулы участия нередко были подчинены либо идеологии, либо связаны с карьерой [1; 2 и др.]. Вместе с тем вслед за “революцией участия” [24] в начальный период трансформации, уже с начала 1990-х годов, в бывших странах государственного социализма последовал существенный спад политической активности.
2. “Загадка скрытого протестного потенциала”. Глубокий социально-экономический кризис, охвативший многие посткоммунистические страны на трансформационной фазе “перехода”, несущественно повлиял на рост протестного потенциала и не отразился на уровне протестной активности¹.
3. “Загадка возвращения к левому голосованию”. Несмотря на структурирование социальных интересов и групп, непосредственно участвующих в собственности и конкурентном рынке, прокапиталистические политические силы не вытеснили поддержку левых сил; более того, в целом ряде стран эта поддержка с конца 1990-х годов стала заметно усиливаться.
4. Украинское общество к концу 2004 года продемонстрировало еще одну “загадку” политического участия: “взрыв” массового политического участия в конвенциональных формах на фоне предшествующего понижения показателей потенциала неконвенционального протеста и участия в политических организациях (табл. 1).

¹ И.МакАллистер и Ст.Уайт в работе 1994 года отмечали, что в посткоммунистических странах к этому времени все формы конвенционального участия охватывали не более 3–10% взрослого населения, а в неконвенциональных акциях — 7–9%, что было заметно ниже, чем в развитых демократиях [37].

Таблица 1

Установки граждан Украины на участие в политических партиях и формах протеста в случае нарушения прав и интересов граждан
(множественные варианты, в % к опрошенным, N = 1800/1810 в каждый год опроса*)

Установки на участие:	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2004	2005
В политических партиях	0,7	0,6	0,5	0,4	0,9	1,5	0,8	1,7	2,2	1,9	2,5
Конвенциональные формы протеста:											
Участие в предвыборных кампаниях	15,5	14,8	13,7	10,1	15,4	18,3	20,1	20,2	16,5	—	23,7
Сбор подписей под коллективными обращениями	17,0	16,7	12,7	11,3	16,9	18,6	17,4	20,1	15,6	21,8	24,6
Законные митинги и демонстрации	16,6	16,2	15,2	14,8	22,4	23,8	19,9	26,6	20,0	19,2	34,2
Индекс потенциала конвенционального протеста**	16,4	15,9	13,9	12,1	18,2	20,2	19,1	22,3	17,4	20,5	27,5
Неконвенциональные формы протеста:											
Отказ поддерживать решения органов власти	7,1	7,0	6,6	5,1	7,5	7,1	7,2	8,7	5,2	2,7	6,2
Несанкционированные митинги и демонстрации	2,2	2,6	2,2	2,7	4,4	3,2	3,3	4,3	2,6	1,3	3,2
Незаконные забастовки	1,6	1,8	1,9	2,3	2,5	2,2	2,4	2,4	1,1	0,9	1,6
Голодовка протеста	2,0	1,9	2,9	2,0	3,4	2,6	2,6	3,9	1,7	1,5	3,7
Пикетирование государственных органов	4,4	4,0	5,9	4,3	7,7	7,3	6,5	8,4	5,6	5,1	9,9
Захват зданий	1,0	1,2	0,9	1,4	2,0	1,7	1,7	1,8	1,0	1,6	2,4
Участие в нелегальных вооруженных формированиях	2,0	2,9	1,6	2,5	2,7	2,9	2,4	2,5	1,7	—	0,9
Индекс потенциала неконвенционального протеста**	2,9	3,1	3,1	2,9	4,3	3,9	3,7	4,6	2,7	2,2	4,0
Ни одна из форм не привлекает	31,9	36,9	33,5	37,3	29,8	29,9	34,2	30,3	37,1	36,6	25,2
Затруднились ответить	29,8	27,2	33,3	33,4	30,5	27,5	26,9	26,6	21,9	19,0	19,6
Не ответили	0,6	0,1	0,0	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1
Индекс дестабилизационности протестного потенциала (ИДПП) — по результатам экспертного опроса (Н.Панина)	3,2	3,2	3,0	2,9	4,2	4,0	3,7	4,6	3,0	2,6	4,6

* В мониторинг ИС НАНУ, проведенный в 2003 году, вопросы по установкам на протестное поведение не были включены.

** Индексы конвенционального и неконвенционального протеста нами рассчитаны как средние значения относительных показателей по соответствующей форме протеста за год. Источник: [65, с.40].

В современной литературе объяснение “загадок” политического участия — по крайней мере в посткоммунистических обществах — предлагается в рамках нескольких ключевых подходов, которые чаще всего используют в определенных комбинациях:

- *институционализма*, объясняющего низкие или неустойчивые показатели политического участия неразвитостью институтов политической демократии и рынка в трансформирующихся обществах, неспособных в достаточной мере обеспечить поддержку и стимулы участия граждан [22; 41; 48; 56];
- *культурно ориентированного* подхода и близкого к нему подхода “*гражданственности*”, фокусирующего главное объяснение на состоянии политической, гражданской культуры, в том числе на распространности ценности устремления к свободе и факторе “человеческого развития” [25; 29; 41; 49; 50];
- *теорий зависимости*, подчеркивающих значение национальной и региональной самобытности трансформаций, укорененной в преемственности традиций и правил, значение воспроизводства вертикальных патронажно-клиентельных сетей, подменяющих горизонтально интегрированное гражданское общество [8; 20; 53];
- *теорий партийных идентификаций*, подчеркивающих преобладающее значение особенностей политической социализации граждан и их стремления выразить свою идентичность с помощью каналов политического участия. В объяснении поведения “посткоммунистических граждан” особое значение приобретает анализ фактора партийной системы, ее сформированности, устойчивости и преемственности [6; 21];
- *теорий социальных расколов*, фокусирующих внимание на воспроизводящихся и новых существенных социальных конфликтах в обществах и стремлении их носителей придать конфликтам политические формы выражения [32; 33; 34];
- *классового анализа*, обращающего преимущественное внимание на противоречия интересов, укорененных в социальных отношениях и приобретающих формы политической борьбы больших групп людей, разделенных разными жизненными шансами [13; 22; 27; 30; 47; 60];
- *теорий рационального выбора*, анализирующих политическое участие сквозь призму оценки гражданами своего выигрыша и проигрыша [10; 56];
- *радикального* подхода, подчеркивающего роль как идеологии, политического манипулирования мнениями и установками граждан, так и факторов социально-групповой социализации и идентификации [11].

Каждый из подходов имеет свою меру притязаний на масштабы и глубину объяснения и, естественно, свои пределы объяснительных возможностей. Мы не будем останавливаться на анализе объяснительных перспектив всех названных подходов¹, а попытаемся проанализировать гносеологический потенциал применения *классового анализа* к объяснению политиче-

¹ Частично автором применительно к украинскому обществу это сделано в работе [59].

ского участия “посткоммунистических граждан”. Почему нас будет интересовать этот подход?

- Прежде всего, в отличие от других названных выше подходов, именно классовый анализ, наряду с теорией социальных расколов, позволяет сосредоточиться на наиболее глубоких противоречиях в интересах граждан, разделенных существенно разными социальными возможностями.
- Именно классовый анализ особое внимание обращает на глубинные ценности и установки, которые по содержанию являются продуктом объективных классовых позиций и, в свою очередь, влияют на структуру позиций и возможностей. В этом отношении классовый анализ пересекается с культурно ориентированным и радикальным подходами, а также с теориями партийных идентификаций и социальных расколов. Однако, в отличие от последних, классовый анализ направлен не только на описание различий ценностей и установок, но и на объяснение того, как эти различия произрастают из отношений *господства и присвоения* и почему такие различия могут приобретать или не приобретать политические формы выражения.
- В отличие от других подходов, классовый анализ принципиально ориентирован на изучение коллективных действий, которые так или иначе направлены на общественную систему и в которых получает выражение специфическое сознание социальных классов.

Таким образом, с точки зрения классового анализа, политическое участие становится не просто функцией политики, рынка, культуры, социализации или манипуляции, а кооперативным эффектом общественной системы, неравного участия в ней граждан и меры осознания гражданами своих интересов, связанных с поддержкой или изменением общественной системы.

Концептуальные основания артикуляции классовых факторов политического участия

Представление о связи политического действия и классового сознания получило развитие на теоретическом фундаменте идей К.Маркса о том, что политика отражает объективные классовые интересы. В работе “Святое семейство” К.Маркс писал:

“...речь идет не о том, что представляет себе в качестве цели тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Речь идет о том, что он есть, и что сообразно этому бытию исторически вынужден делать”¹.

Классовый анализ политического участия исторически определил широкую исследовательскую программу. Данная программа делает акцент на эмпирически проявляющихся и исторически обусловленных противоречиях интересов между классами и классовыми группами, которые могут стать основой для развития и определения политической стратегии борьбы между доминируемыми и доминирующими социальными классами. Для многих западных демократов этот тезис был трансформирован в представление о политике как демократической классовой борьбе [38]. Одним из наиболее авторитетных эмпирических исследований связи поддержки политической партии, политического участия и классовой принадлежности стала работа

¹ Цит. по: [61, с.145].

Р.Роуза и Д.Урвина [43], в которой авторы эмпирически доказывали, что источником социальной сплоченности партий (на примере 76 партий в 17 странах Запада) чаще всего служат классовая принадлежность и религия.

Вместе с тем с конца 1970-х годов многие исследователи стали отмечать падение или “рассредоточение” (dealignment) в западноевропейских обществах традиционных факторов политики, основанных на классе и других формах традиционных социальных расколов. В частности, С.Липсет уже в начале 1980-х годов отмечает значительное падение основанного на классовой принадлежности электорального поведения в Британии, Германии и США [7]. Несколько позже подобные тенденции обнаруживает Франклин, исследуя 16 различных стран западной демократии [17]. В 1980-х годах эта тема становится особенно популярной и развивается в контексте более общего тезиса о разрушении классовой идентификации в обществах под влиянием процессов индивидуализации, существенных изменений в социальной структуре, повышения значимости гендерных и локальных солидарностей, развития постматериальных ценностей. В работах Т.Кларка, С.Липсета, М.Догана эти идеи применительно к политическому участию получили наиболее яркое выражение [7; 36]. В частности, в недавно опубликованной статье М.Доган утверждает следующее:

“Социальные изменения в последние десятилетия отразились на упадке как социального класса, так и религиозного фактора в интерпретации расстановки политических сил. Концепт статусной неконгруэнтности становится лучшим объяснением современных социальных установок и политического поведения” [36, с. 35].

Важно заметить, что почти все данные исследования использовали двухклассовую и/или двухпартийную модель классификации, а идея о падении классовых оснований политического поведения закладывалась в исследовательскую методологию. Вместе с тем, двухклассовая модель маскирует значительные вариации, существующие в современном рабочем классе, классах служащих, менеджеров, собственников. В свою очередь, взгляд на партийную систему с точки зрения “лево-правой” дихотомии игнорирует существенные ценностные изменения лево-правых ориентаций и исключает возможность в современной действительности многообразных партийных альянсов. Не выдерживают критики и использованные в последних исследованиях Кларка, Липсета, Догана процедуры статистического анализа.

Вместе с тем все это, безусловно, стало вызовом методологии классового анализа политического участия, основанием дальнейших исследований и широких дискуссий по поводу методологии и ее познавательных перспектив. С нашей точки зрения, данный вызов имеет три принципиальных аспекта:

- *онтологический*, связанный с изменяющейся социальной реальностью, актуализацией иных социальных возможностей и факторов их достижения, изменением ресурсов и форм господства, влияния, присвоения и т.п. Изменения в классовой структуре, ценностных системах влияют на политические, в том числе партийные стратегии; изменения в политических, партийных стратегиях влияют на отношение между классом и политическим участием, формируя новые меж- и внутриклассовые расхождения по признаку политического поведения. Важнейшей задачей при этом становится идентификация механизмов, благодаря которым те или иные классы и классовые группы участвуют или не участвуют в политическом процессе;

- *интерпретативный*, связанный с концептуальными рамками, историческими (временными) и сравнительными (пространственными) перспективами взгляда исследователя на процессы. При этом можно полагать, что более широкие временные и пространственные рамки исследования позволяют избежать фокусирования на частных проявлениях общественных процессов и увидеть более общие, укорененные тренды их развития;
- связанный с *методологией измерения* проявлений классов, классового сознания и их связи с политическим участием.

Интерпретативный аспект критики получил достаточно убедительные свидетельства в ряде сравнительных исследований, проведенных с начала 1990-х годов, и в опубликованных по их результатам работах. Так, исследования Дж.Эванса, Дж.Келли, М.Хоута, М.Севеджа, Г.Китчельта и др., проведенные в западных демократиях, доказывают, что партийные и политические симпатии избирателей все также существенно определяются классовой принадлежностью [15; 16; 23 и др.]. Более умеренный вывод предлагают П.Ньюберта и П. Де Граф [38]. На основе всестороннего анализа доступных фактов относительно трендов в классовой политике в 20 постиндустриальных нациях периода 1945–1990-х годов исследователи подтверждают вывод о некоторой степени “рассредоточения”, которое произошло во многих европейских странах, где связи между классом и политическим участием ранее были более четкими. Это обнаруживается и с использованием других методологий исследования.

Особый интерес и остроту проблема приобретает в связи с анализом посткоммунистических обществ. В подходах к исследованию проблемы явно выражено параллельное развитие, а порой противостояние трех позиций:

- во-первых, отрицания *a priori* существования классового разделения в (отдельных) посткоммунистических обществах;
- во-вторых, наряду с признанием возможности формирования классового разделения убеждения в том, что поскольку институционализация рынка и демократии продолжается, такое разделение не приобрело выраженных структурных форм, а значит не может сказываться на политическом участии;
- в-третьих, ориентации на классовый анализ. При этом такие исследователи, как О.Шкартан, В.Иноземцев и др., утверждают, что посткоммунистические трансформации, связанные с формированием рынка, стали механизмом возвращения статусного общества к классовому обществу индустриально-капиталистического и/или постиндустриального типа. В отличие от этих исследователей, И.Селени, Д.Лейн, В.Адамский, К.Сломчинский и др. доказывают, что посткоммунистические трансформации, по сути, стали продуктом разрешения на системном уровне скрытого классового конфликта (наряду с другими конфликтами интересов), накапливавшегося в обществах государственного социализма [30; 46].

Опираясь на сравнительные данные эмпирических исследований, Дж.Эванс и К.Миллс делают вывод о том, что классовое разделение, произошедшее в процессе перехода к рыночной экономике в Восточной Европе, может сформировать более сильные классовые основания политики, чем существующие сегодня на Западе [13, с. 42]. В отличие от этих исследовате-

лей, Якуб Зилинский делает более осторожный вывод, согласно которому “политическое значение классового конфликта, скорее всего, будет низким в силу конкурентных выборов и оккупирования политических партий классом владельцев-собственников” [52]. В исследовании, проведенном в начале 2000-х годов, мы также говорили о существенных различиях в сознании формирующихся в посткоммунистической Украине классов [58], что может стать основой их специфических политических действий.

Упомянутые ранее наблюдения можно считать аргументами в пользу дальнейших исследований структурирования классов, их сознания и политического участия. Открытыми остаются вопросы о связи классов и других форм социальных расколов; вопросы о том, как может новое классовое разделение приобретать политические формы выражения? Каким образом может происходить выражение классового сознания? В какой мере существующие партийные системы способны быть проводниками классовых интересов и других социальных расколов и в том числе способствовать их поляризации? Или же новые формы классового разделения останутся в состоянии политической “спячки”?

Становится очевидным, что в процессах трансформаций происходит становление новых социальных расколов и классовых конфликтов [64]. Это касается, прежде всего, конфликта “труд–капитал”, который был идеологизирован старым режимом. Западные исследователи партий, начиная со Стейна Роккана, отмечают, что в большинстве случаев этот конфликт перемещается по оси координат перпендикулярно конфликту “центр–периферия” [54, с. 86].

Наряду с этими классическими конфликтами трансформация в Восточной Европе и постсоветских обществах актуализировала конфликт, который был традиционным прежде всего в православных странах с XIX века, между западниками и националистами, а в Украине конфликт между русофилами и националистами-западниками.

В процессе трансформации также остро проявился конфликт, существовавший в латентной форме в рамках государственного социализма: между этаткратическими и либертарными социальными средами. Исторически этот конфликт отразил трансформацию идеологии и практики марксизма в данных странах: от марксизма как радикального западного течения конца XIX века к постмарксизму “марксизма-ленинизма” и “реального социализма”, который во многом связывал коммунистические достижения с местным национализмом и утрачивал свои космополитические компоненты, сохранявшиеся разве что в сугубо интеллектуальных кругах. Как отмечает Клаус фон Байме, с точки зрения социальных групп, которые представляли данный конфликт политически, он был в основном идентичным конфликту “материализм–постматериализм” [54, с. 87].

Несмотря на то, что данные конфликты приобрели множественные формы, вместе с тем почти ни один из них не привел к такой констелляции организованных политических сил в Восточной Европе, при которой друг другу противостояли бы только две антагонистические организации. Западные исследователи приходят к выводу о том, что отдельные линии расколов могут приобретать особое значение, если другие расколы играют незначительную роль [54, с. 88]. Так, в Великобритании до недавнего времени классовому конфликту приписывали первостепенную роль, в то время как религиозный раскол, этнические либо региональные конфликты были едва

различимы. В Восточной Европе происходит, скорее, обратное. Конфликт между трудом и капиталом не получил пока полного выражения. Однако с консолидацией посттрансформационного общества интересы капитала начинают играть в политике определяющую роль. По сравнению с интересами капитала, интересы труда представлены слабо. В результате нет “сдержки” в принятии политических решений, что получает воплощение в высоких социальных издержках трансформационного процесса. За счет этого усиливаются национализм и регионализм, конфликт между центром и периферией.

Невзирая на множественные вызовы, в современном исследовательском пространстве легко обнаруживается целая индустрия исследований, основанных на классовом анализе [42]. Почему такая индустрия возможна? Наиболее простой ответ заключается в том, что социальный класс, понимаемый как систематические неравенства в структурах возможностей, основанных на господстве и присвоении, продолжает сохранять свое значение. Даже если рост экономики и благ способствует выравниванию распределения благосостояния и жизненных шансов, как, в частности, показал Г.Эспин-Андерсен, такой процесс все равно высоко коррелирует с социальным классом [31, с. 29–30] (табл. 2).

Таблица 2

Альтернативные классовые модели и политический капитал: интерес к политике, понимание политики (в %) и политическая активность (значение индекса), проект “European Social Survey” (2002/2003)

Классы (различных классовых моделей)	Заинтересованы в политике	Политика не так сложна для понимания	Всего	N (выборки взвешены по странам)	Индекс политической активности (значение)
1	2	3	4	5	6
Модель Эриксона–Голдторпа (EGP)					
I – Профессионалы, менеджеры высшего ранга	73,6	47,5	100,0	2102	20,7
II – Профессионалы, менеджеры более низкого ранга	62,2	36,1	100,0	3317	19,0
IIIa – Специалисты рутинного труда с высшим образованием	52,4	24,7	100,0	2115	16,1
IIIb – Технические специалисты более низкого ранга	40,5	19,6	100,0	1941	12,0
IVa – Самозанятые с наемными работниками	58,4	33,0	100,0	803	10,3
IVb – Самозанятые без наемных работников	46,5	29,7	100,0	734	12,2
V – Бригадиры, техники первичного звена	53,1	27,7	100,0	614	13,3
VI – Квалифицированные рабочие	39,9	25,6	100,0	1904	9,3
VIIa – Неквалифицированные рабочие	31,3	21,0	100,0	2263	7,8
VIIb – Сельскохозяйственные работники	25,5	14,6	100,0	233	7,0
IVc – Самозанятые фермеры	42,8	24,5	100,0	559	8,2
Всего	50,7	29,5	100,0	16585	13,9

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
Модель эксплуатации Райта (WR)					
Самозанятые с 10+ наемных работников	69,3	49,1	100,0	218	18,6
Самозанятые с 1–9 наемных работников	61,1	37,9	100,0	1120	12,4
Самозанятые без наемных работников	53,0	30,7	100,0	1563	14,3
Эксперты–менеджеры	73,3	49,9	100,0	359	20,8
Эксперты–менеджеры более низкого ранга	76,7	50,5	100,0	420	22,2
Эксперты	69,4	43,8	100,0	660	19,3
Квалифицированные менеджеры	65,1	35,0	100,0	635	18,6
Квалифицированные менеджеры более низкого ранга	58,6	32,0	100,0	1069	18,0
Квалифицированные рабочие	47,3	28,2	100,0	3541	12,8
Менеджеры низкой квалификации	58,6	30,8	100,0	400	16,3
Менеджеры низкой квалификации низкого уровня	52,2	22,8	100,0	1034	14,8
Малоквалифицированные рабочие	39,9	22,9	100,0	5159	11,2
Всего	51,0	29,6	100,0	16178	14,8
Модель Эстин–Андерсена (ESP)					
Топ-менеджеры I	39,7	45,1	100,0	926	18,7
Менеджеры II самозанятые с 1–3 наемными работниками	59,1	36,0	100,0	570	14,5
Самозанятые без наемных работников	45,3	30,4	100,0	322	10,9
Профессионалы	75,5	48,3	100,0	1595	21,2
Техники	57,7	32,9	100,0	775	17,3
Полупрофессионалы	59,1	31,1	100,0	1667	20,4
Квалифицированные служащие	45,8	25,3	100,0	803	14,3
Неквалифицированные служащие	34,5	20,0	100,0	1639	10,2
Клерки	54,2	26,7	100,0	2412	15,0
Продавцы	47,7	28,6	100,0	1607	12,2
Квалифицированные рабочие	44,3	26,0	100,0	2032	9,6
Неквалифицированные рабочие	30,5	19,7	100,0	1447	7,7
Сельскохозяйственные рабочие	25,5	14,6	100,0	233	7,0
Фермеры	42,8	24,5	100,0	559	8,2
Всего	50,7	29,5	100,0	16587	13,9

Источник: [31, Appendix, p.85–86].

Более сложный ответ связан с представлением о том, что исследования, основанные на классовом анализе, осуществляются в рамках разных исследовательских программ, с альтернативными онтологическими, гносеологическими и методологическими позициями. Разделяя общие интересы в плане зрения исследовательских проблем, исследователи, вместе с тем, оказываются разделенными исследовательскими традициями и специфическими полями исследования. Эти расхождения сказываются на понимании и способах измерения социального класса, классового сознания, политического участия, а также на способах доказательства связи между классом и участием.

Как отмечают Х.Лиульфсруд, И.Бизон и Х.Йенсберг по результатам специального исследования социальных классов в Европе в рамках проекта “European Social Survey” (2002/2003), в силу “различий в концептуальных рамках не удивительно, что мы находим довольно разные интерпретации классовых отношений в Европе” [31, с. 84]. Вместе с тем анализ эмпирических проявлений классов, предпринятый авторами с использованием трех конкурирующих методологий (классовой схемы Дж.Голдторпа и Р.Эриксона, схемы классовой эксплуатации Э.О.Райта и схемы Г.Эспин-Андерсена, вводящей признаки постфордистской занятости в систему классового разделения), убедительно доказывает высокую степень пересечения результатов (при всех обусловленных разными концептуальными подходами различиях), подтверждающих существенную значимость классового разделения европейских обществ и связь класса, по крайней мере, с некоторыми характеристиками политического участия (табл. 2). В то же время, согласно наблюдениям авторов, выбор различных классовых схем может давать заметно разнящиеся результаты в разных странах [31, с. 85].

Проявляется ли связь между классоподобными образованиями и политическим участием в современном украинском обществе? Далее мы приведем некоторые результаты нашего поиска ответа на этот вопрос на основе эмпирических данных проекта “European Social Survey” (2004/2005).

***Методология и некоторые результаты исследования влияния
классово нагруженных признаков на дифференциацию
политического участия в Украине***

Мы не будем останавливаться на дискуссиях об определении класса¹. Подчеркнем лишь несколько принципиальных, с нашей точки зрения, тезисов. Семинары и дискуссии, проходившие в последние годы в журналах “International Sociology” (1990–1991), “British Journal of Sociology” (1996), “American Journal of Sociology” (2000–2001), “Acta Sociologica” (2000–2001) и др., стали значимым вкладом в осмысление новых проявлений классов. Новые подходы акцентировали значение “неклассических” факторов классовообразования, проявляющихся в современных обществах, влияние не только социализированных, но и индивидуализированных характеристик представителей класса, его эмерджентную, деятельностно-структурную природу и многоуровневые проявления.

Мы определяем социальный класс в рамках деятельностно-структурной социологической перспективы, что означает фокусирование внимания на процессе самопроизводства данного феномена как результата действий людей под влиянием структурных и культурных обусловленностей. Социальный класс мы видим, прежде всего, как социальные движения, как кооперативный продукт социальных взаимодействий больших совокупностей людей, занимающих различные позиции в неравно распределенном пространстве общественно значимых ресурсов присвоения, господства, влияния, компетентности и в силу этого имеющие различные жизненные шансы. Политическая институционализация действий класса обеспечивает откры-

¹ Об этом см., в частности: [58].

тую и устойчивую форму выражения его социальных интересов, притязаний и силы, направленной на систему общественных отношений.

Способность класса к политическим действиям, особенности его политического участия могут проявляться на разных уровнях социальных взаимодействий: системном, социетальном и межличностном. На социетальном и системном уровнях политическое действие может проявиться (но не обязательно) тогда, когда его представители будут способны артикулировать общие латентные или явные интересы и устремления, а также организовывать и мобилизовывать своих последователей. При этом принципиальными для проявления политически ориентированных действий класса являются:

- внешние условия политического режима;
- динамика классового и других социальных конфликтов, их восприятия (интерпретации);
- наличие политических акторов, связанных с классом, способных выражать его интересы (или манипулировать классово обусловленными дискурсами) и осуществлять стратегические взаимодействия.

Следуя данной логике, классово обусловленные политические действия на индивидуальном уровне можно определить как кооперативный продукт совокупности факторов, представленных на рисунке.

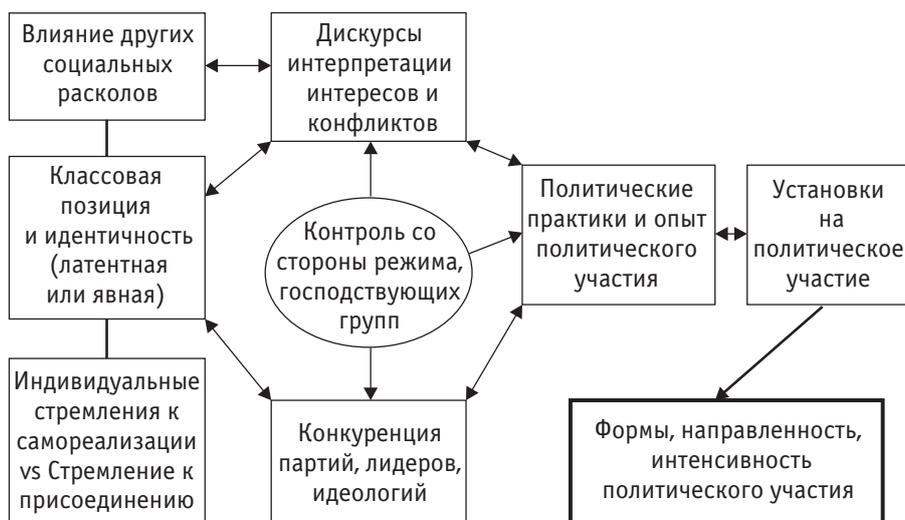

Рисунок. Факторная детерминированность классово обусловленных политических действий (индивидуальный уровень)

Изложенные методологические позиции были взяты за основу при исследовании процесса структурирования социальных классов в украинском обществе, которое мы предприняли в конце 1990-х — в начале 2000-х годов¹. В результате эмпирического исследования на мезоуровне социального пространства были выделены 4 классоподобных социальных группы (“бизнесменов–предпринимателей–управленцев”, “крестьян”, “интеллигенции–профессионалов”, “рабочих”), представители которых способны, по крайней мере, подобным образом отличать себя, обозначать, а также определять

¹ Результаты представлены, в частности, в работе: [58].

подобие vs различие “своих” и “чужих” социальных ориентаций и ценностей. Анализ объективных признаков классов, выделенных по самоидентификации, показал, что они заметно разнятся по ресурсным характеристикам и жизненным шансам. Вместе с тем ни одна из классоподобных групп не обладала устойчивым значительным ресурсным потенциалом.

Особенно важным, с нашей точки зрения, стал вывод о том, что проявившиеся классы заметно различаются характеристиками ценностного сознания и социальными установками. В целом анализ комплекса показателей состояния социального сознания позволил говорить о его специфике, характерной для каждого из четырех выделенных по самоидентификации классов: классовые образования заметно различались установками в отношении того, кто должен нести основную ответственность за судьбы конкретных людей в обществе (проявлением индивидуализированного либо коммунитаризированного сознания), восприятием свободы как ценности, удовлетворенностью/неудовлетворенностью от участия в обществе, готовностью к действиям для улучшения своего социального положения.

Что изменилось за несколько лет с рубежа 1990-х и 2000-х годов? Можно предположить, что процесс структурирования классов продолжался и наиболее интенсивно — в более “активных” социальных средах предпринимателей-бизнесменов, интеллигенции-профессионалов и, возможно, управленцев. Для проверки этого утверждения мы обратились к анализу эмпирических данных по Украине, полученных в рамках проекта “European Social Study” (далее — ESS) (2004/2005). Поскольку исследовательские методологии, отраженные в инструментарии, существенно отличались, мы можем оперировать лишь косвенными свидетельствами в отношении поставленной проблемы, обозначая при этом пределы их распространения. Для контроля результатов нами были использованы параллельно два пути анализа: первый предполагал ориентацию на методологию, реализованную в исследовании 2000 года, второй был связан с использованием методологии, основанной на представлении о классах, укорененных в профессиональной структуре занятости.

Что касается первого пути, то мы вполне логично столкнулись с несколькими серьезными проблемами, которые обозначим ниже.

Проблема 1. Определение классоподобных групп. Поскольку признак классовой самоидентификации в исследовании ESS 2004/2005 годов отсутствовал, нами были использованы возможности факторного анализа в признаковом пространстве “объективных ресурсов класса”, которые по индикаторам подобны использованным в исследовании 2000 года. Из всей совокупности индикаторов, включенных в анализ, как значимые проявились следующие семь: функции контроля, организационное влияние, квалификация, функциональная сложность, перспективы карьеры, субъективное восприятие материального положения, вклад в семейный доход. Факторный анализ признакового пространства объективных классовых позиций с учетом регрессии веса компонент для анализа других компонент (см. табл. 3) позволяет рассматривать 3 классовых позиции:

- 1) “профессионалов”;
- 2) “управленцев, администраторов, менеджеров”;
- 3) социальную среду “материально зависимых”, которая включает служащих невысокой квалификации, в том числе рутинного труда, рабочих и крестьян.

Если классовая позиция “профессионалов” оказалась связанной (по направленности влияния) с классовой позицией “управленцев”, то обратное влияние позиции “управленцев” на позицию “профессионалов” заметно ниже. Важным является вывод о том, что, в отличие от первых двух классовых позиций, 3-я классовая позиция объединяет широкую социальную среду, для которой материальные проблемы, связанные с доходом, являются доминирующими, и эта среда существенно дистанцирована от первых двух объективных классовых позиций.

Таблица 3

Пространство объективных признаков классовых позиций, Украина, (ESS, 2005)

3.1. Матрица повернутых компонент, анализ методом главных компонент, варимакс вращения с нормализацией Кайзера, 4 итерации

Объективные признаки классовых позиций	Компонента		
	F1	F2	F3
Функции контроля		0,747	
Сложность работы	0,874		
Дефицитность квалификации	0,830		
Самостоятельность на рабочем месте		0,841	
Влияние в организации		0,885	
Перспективы карьеры	0,885		
Вклад в семейный бюджет			0,632
Субъективная оценка дохода			0,809

3.2. Матрица преобразования компонент

Компонента	F1	F2	F3
F1	0,769	0,635	0,071
F2	-0,639	0,766	0,067
F3	-0,012	-0,097	0,995

Проблема 2. Следующей стала проблема выбора способа измерения политико-партийных идентификаций. С учетом возможностей вторичного анализа эта проблема была переформулирована в вопрос о том, в какой мере номинальные партийные идентификации граждан Украины (альтернатива “данная партия мне очень близка”) могут быть описаны “лево-правой” шкалой самоидентификаций? Ответ на этот вопрос свидетельствует о политико-партийной самоидентификации респондентов и косвенно — о мере осознания ими специфики своих коллективных интересов.

В постановке данного вопроса мы ориентировались на опыт использования подобной методологии в исследовании “посткоммунистических граждан” [3] на эмпирической базе проекта “Новый демократический барометр” 1990/1991. Несмотря на ранний этап партийно-политической, идеологической плюрализации и социального структурирования на начальной фазе посткоммунистической трансформации (в Украине — накануне распада СССР), различия избирателей по “лево-правой” шкале саморазмещения

в зависимости от голосования за определенную партию (или “партийную семью”) в целом по всем посткоммунистическим странам оказались не принципиальными (см. табл. 4).

Таблица 4

Различия избирателей по “лево–правой” шкале саморазмещения в зависимости от голосования за определенную партию (“партийную семью”)* (ноябрь 1990 – июнь 1991)

<i>Отклонение от лево–правой шкалы</i>	Чехословакия	Эстония	Венгрия	Польша	Румыния	Словения	Украина
<i>Дата свободных выборов:</i>	Июнь 1990	Март 1990	Март 1990	Октябрь 1991	Май 1990	Апрель 1990	Март 1990
<i>Голосовавшие за:</i>							
Коммунистические партии	–2,5	–0,7	–1,2	–1,1	–0,5	–0,5	+0,5
Социалистические партии	–1,0	–	–	+0,5	–	–	–
Экологические партии	–0,5	+1,1	–	–	+0,3	–0,2	–0,4
Либеральные партии	+0,6	+0,3	+0,1	–0,1	+0,9	+0,2	–1,5
Религиозные партии	+0,6	–	+0,5	–	–	–	+0,4
Консервативные партии	–	–	+0,1	–	–	–	–
Аграрные партии	–0,9	–	+0,1	–0,2	+1,3	+1,6	–0,7
Националистические партии	–0,6	–	–	–	+0,9	+0,7	–0,4
Этнические партии	+1,0	–	–	–	+0,8	–	–
Другие партии	–	–0,5	–0,2	–0,4	–	–0,2	+0,0

* Приведены различия значений позиции опрошенных по 10-балльной лево–правой шкале (самооценки). Негативные оценки означают отклонение “влево”, позитивные оценки – отклонение “вправо”; “–” означает, что “партийная семья” не существует или является миноритарной. Источник: [3, с.21].

Подобную процедуру мы осуществили на массиве ESS 2005 года по Украине. Результаты распределения признака “лево-правой” политической самоидентификации в зависимости от близости респонденту конкретной политической партии при голосовании на парламентских выборах 2002 года (см. табл. 5) позволили сделать следующие выводы.

Во-первых, с “лево–правой” шкалой политической самоидентификации определенно связаны лишь две партийно-политические позиции, которые можно рассматривать как альтернативные с точки зрения восприятия граждан, а именно: идентификации с Коммунистической партией Украины, с одной стороны, и с политическим блоком В.Ющенко “Наша Украина” – с другой.

Во-вторых, выражена концентрация партийно-политических идентификаций в центре шкалы с некоторым смещением влево, что вполне согла-

суется со структурированием классов, основанных на рыночной конкуренции, и вместе с тем с широко представленной в пространстве социальных отношений социальной средой “материально зависимых”.

В-третьих, один из лидеров парламентской избирательной кампании 2002 года — провластный блок “За единую Украину” (куда в то время входила Партия регионов, лидером которой стал В.Янукович) — ассоциируется с несколько смещенным влево центром; в то время как политический блок Юлии Тимошенко — с центром, несколько смещенным вправо.

Данные факты можно интерпретировать как выражающие процесс кристаллизации социально-политических интересов, основанный, в том числе, на классовом разделении общества, что получило развитие в последующих президентской и парламентской кампаниях 2004–2006 годов.

Таблица 5

Распределение коэффициента Спирмена для признака “лево–правой” самоидентификации в зависимости от близости респонденту конкретной политической партии при голосовании на парламентских выборах 2002 года (опрос 2005 года, Украина, ESS, 2004/2005)*

Партия (блок), к которой респонденты чувствуют наибольшую близость	ρ_0
КПУ	–0,229
Блок В.Ющенко “Наша Украина”	0,382
Блок “Демократическая партия Украины – Демократический Союз”	–0,028
Блок Н.Витренко	–0,074
Партия зеленых	–0,045
Коммунистическая партия рабочих и крестьян	–0,055
Блок “Новая сила”	0,044
Блок Ю.Тимошенко	0,050
КПУ (обновленная)	–0,056
СПУ	–0,099
Блок “За единую Украину”	–0,021
СДПУ(о)	–0,037
Блок “НРУ”	0,012
СДПУ	–0,036
“Русский блок”	–0,034
Объединение “Женщины за будущее”	–0,010
“Новая генерация Украины”	0,026
Другая партия	–0,102

* Приведены партии (блоки), для которых значения корреляции по модулю превышают 0,01.

Проблема 3. Определение корреляции классово нагруженных объективных и субъективных факторов с дифференциацией политического выбора по “лево-правой” шкале. В анализ были включены 12 переменных, описывающих объективную классовую позицию (см. выше) и 5 переменных, описывающих когнитивные и эмоционально-оценочные проявления политического сознания (интерес к политике, удовлетворенность демократией,

удовлетворенность экономикой, удовлетворенность правительством, доверие к политическим партиям). Были также дополнительно введены 2 контрольные переменные – регион проживания и тип поселения. Результаты представлены в табл. 6.

Таблица 6

Корреляция (коэффициент Пирсона) размещения на “лево–правой” шкале (самооценки) и характеристик классовой позиции и диспозиции, Украина (ESS 2004/2005)

Объективные признаки класса (корреляция значима на уровне 0,01)				Признаки сознания (корреляция значима на уровне 0,01)			
Название признака	Коэффициент Пирсона R	N валидных случаев	Значимость (approx. sign.)	Название признака	Коэффициент Пирсона R	N валидных случаев	Значимость (approx. sign.)
Наличие управленческих функций	0,106	1860	0,455	Удовлетворенность демократией	0,257	2030	4,43E-32
Перспективы карьеры	0,073	741	0,048	Удовлетворенность экономикой	0,205	2030	9,28E-21
Образование	-0,071	2030	0,001	Интерес к политике	0,195	2030	7,518E-19
Сфера профессиональной деятельности	0,064	2030	0,004	Доверие к партиям	0,167	2030	3,644E-14
Рыночная ситуация	0,063	742	0,087	Удовлетворенность правительством	0,138	2030	3,789E-10
Сложность работы	0,054	741	0,145				
Регион проживания	0,043	2030	0,051				
Занятость	0,038	2030	0,087				
Доход (объективный показатель)	0,032	2030	0,144				
Доход (субъективный показатель)	0,031	2030	0,165				
Тип поселения	0,025	2030	0,260				
Должностная позиция	0,014	1860	0,545				
Источник дохода	0,013	2030	0,565				
Самостоятельность на рабочем месте	0,011	1852	0,643				

Корреляционный анализ показал отсутствие выраженных линейных зависимостей саморазмещения по “лево-правой” шкале с объективными признаками классовой позиции, что прежде всего можно объяснить концентрацией размещения в “центре” шкалы, а также относительно небольшим количеством наблюдений (размером выборки). Вместе с тем думается, что данный результат все же позволяет очень осторожно судить о более комплексном и выраженном влиянии классовых позиций, связанных с наличием функций контроля-влияния, высокого профессионализма и рыночной конкурентоспособности, на партийно-политический выбор.

Также можно отметить, что на размещение по “лево-правой” шкале большее влияние оказывают факторы удовлетворенности важнейшими институциональными подсистемами общества, определяющими содержание трансформационных изменений: демократией и экономикой, а также интерес к политике. Влияние факторов доверия к партиям и удовлетворенности деятельностью правительства оказывается не столь выраженным.

Проблема 4. Определение связи классовых позиций “профессионалов”, “управленцев” и среды “материально зависимых” с политическим сознанием и ценностными предпочтениями при использовании данного методологического подхода оказалось проблематичным или невозможным в силу специфики примененной статистической процедуры выделения классоподобных групп и отсутствия в использованной базе данных признаков социально-групповой самоидентификации, на основании которых можно было бы решить проблему методом выделения социальных “ядер” классоподобных групп.

Однако, несмотря на процедуру “перемешивания” признакового пространства в рамках отдельно взятых групп-факторов при использовании метода факторного анализа и в результате высокой гомогенности такого пространства, матрица корреляций извлеченных факторов с признаками сознания¹ позволяет заметить некоторые слабые различия классоподобных групп по следующим признакам диспозиций: интерес к политике, идентификация с политической партией, ценностные ориентации на творчество, богатство, признание, формальные правила, плюрализм (см. табл. 7).

Можно также предположить, что на слабую дифференциацию признаков повлияла не только использованная методология. Возможными дополнительными объяснениями низкой дифференциации социального сознания и слабой выраженности политического сознания также могут быть следующие гипотезы, которые нуждаются в специальной проверке:

- эффект “революции управленцев” рубежа 1980–1990-х годов, происшедшей в украинском обществе (как и в ряде других посткоммунистических стран), при слабой структурированности классовых интересов в других социальных средах. Данной гипотезе в определенной мере противоречат наши предыдущие данные (по результатам исследования 2000 года), а также характер социальной поддержки политических партий и событий “оранжевой революции”;
- “политическая спячка” классов на фоне выраженной дифференциации объективных классовых позиций как возможный эффект длительного предшествующего (а для социальной среды “материально зависимых” продолжающегося) политического отчуждения. Контртезисы для данной гипотезы аналогичны предыдущему;
- шоковый эффект эйфории “оранжевой революции”, взрыва политического участия с конца 2004 года, временно сгладивший различия декларируемых ценностей.

¹ Использованы 14 признаков когнитивных, аксиологических и эмоционально-оценочных проявлений сознания, которые теоретически могут быть существенно связаны с классовой позицией.

Таблица 7

Корреляции извлеченных факторов (нантили факторов) с признаками сознания*, Украина (ESS, 2004/2005)

Признаки сознания	F_1 “профессионалы”	F_2 “управленцы”	F_3 “среда материально зависимых”
Доверие партиям	-0,047	0,022	-0,060
Удовлетворенность экономикой	0,021	0,006	-0,130
Удовлетворенность правительством	-0,050	0,057	-0,121
Удовлетворенность демократией	-0,015	0,041	-0,120
Интерес к политике	0,078	-0,218	0,013
Идентификация с партией	-0,067	0,135	0,020
Ценностные ориентации на индивидуализм	-0,041	0,010	-0,026
Ценностная ориентация на творчество	0,063	0,142	-0,138
Ценностная ориентация на богатство	0,112	-0,038	-0,160
Ценностная ориентация на равные возможности	-0,021	0,013	0,053
Ценностная ориентация на признание	0,083	-0,007	-0,121
Потребность в безопасности	0,013	0,025	0,034
Ценностная ориентация на плюрализм	0,057	0,004	-0,141
Ценностная ориентация на правила	-0,028	0,058	0,116

* Значимость на уровне 0,01.

Избранный нами второй путь в определении связи классово нагруженных признаков и признаков политического участия подтвердил некоторые важные свидетельства, приведенные выше. В данном случае за основу анализа было взято классовое разделение, укорененное в профессиональной структуре занятых, принципиально зависящее от профессии, образования и дохода и статистически определяемое с помощью классификационной схемы ISCO88, в соответствии с которой выделяются 9 основных профессионально-классовых групп [18].

Корреляционный анализ признака профессионально-классовой принадлежности и 27 признаков объективных классовых позиций и диспозиций показал в целом картину, по основным параметрам подобную полученной с помощью первого метода, однако более определенную в отношении классово основанных дифференциаций политического участия. При значимости на уровне 0,01 и N = 1835 значениями коэффициента корреляции Пирсона более 0,100 обладают следующие 9 признаков: понимание политики (0,165), формирование собственного мнения по поводу политических проблем (-0,161), удовлетворенность существующей демократией (0,143), интерес к политике (0,139), саморазмещение по “лево-правой” шкале (0,119), тип поселения (0,245), удовлетворенность состоянием экономики в стране (0,168), уровень образования (0,164), ценностные ориентации на творчество (0,130).

Более интересные результаты получены на том же признаковом пространстве с применением классификационного дерева методом возрастания (*growing method*). С минимальным количеством случаев 100 в “родительском узле — *parent node*” и минимальным количеством случаев 50 в “производном узле — *child node*” из совокупности 27 выделены 6 признаков, которые связаны с профессионально-классовой принадлежностью: 1) образование; 2) тип поселения; 3) ценностная ориентация на богатство, материальное благополучие; 4) чувство близости к определенной партии; 5) интерес к политике; 6) формирование собственного мнения по поводу политических проблем.

Пересечения признаков образуют 21 узел с глубиной 3 единицы. Принципиальным дифференцирующим признаком выступил признак уровня образования, на основе которого формируется все многообразие кластеров. Анализ классификационного дерева позволяет сделать следующие выводы:

- связь классово-профессиональных групп и признаков политической включенности проявляется среди классов, имеющих более высокое образование (выше среднего). Именно в узлы, образованные данным фактором (значение 4802,057 при $N = 634$, объяснение 34,6% случаев), входят признаки чувства близости к определенной партии (17–18% объяснения), интереса к политике (4–14% объяснения), размышления о политических проблемах (3–14% объяснения);
- для классово-профессиональных групп со средним и более низким уровнем образования связь с признаками политической включенности не проявилась. Факторами, детерминирующими образование узлов, стали в данной среде признаки типа поселения, объясняющие от 3 до 11% случаев. Для проживающих в малых и средних городах дополнительным классифицирующим признаком выступил признак ценностных ориентаций на богатство и материальное благосостояние (объяснение 4–7% случаев).

Таким образом, проведенный анализ позволяет с достаточно высокой степенью уверенности говорить о наличии связи между формирующимися социальными классами и политической вовлеченностью в современном украинском обществе. Процесс становления социальных классов идет неравномерно; наиболее выраженную социальную зрелость проявляют классы или классоподобные образования, укорененные в конкурентной рыночной среде и обладающие значимыми ресурсами компетентности; именно данные классовые образования демонстрируют политическое участие. Углубление представления о такого рода связи требует дальнейших специальных исследований с привлечением широко используемых в современной социологии сравнительных методологий классового анализа.

Литература

1. *Bahry D., Silver. B. Soviet Citizen Participation on the Eve of Democratization // American Political Science Review. — 1990. — Vol. 84.*
2. *Barghoorn F.C. Soviet Russia: Orthodoxy and Adaptiveness // Pye L.W., Verba S. (eds.). Political Culture and Political Development. — Princeton, 1965.*
3. *Barnes S., Simon J. (eds.). The Post-Communist Citizen. — Budapest, 1998.*

4. *Benschop A.* CLASSES. Outline of a Transformational Class Analysis. — Amsterdam, 1993.
5. *Bohrer R.E., Pacek A.C., Radcliff B.* Electoral Participation, Ideology, and Party Politics in Post-Communist Europe // Journal of Politics. — 2000. — 62 (4). — P. 1161–1172.
6. *Campbell A., Converse P., Miller W.E., Stokes D.* The American Voter. — N.Y., 1960.
7. *Clark T.N., Lipset S.M.* (eds.). The Breakdown of Class Politics. — Baltimore, 2001.
8. *Collier D., Levitsky S.* Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. — 1997. — Vol. 49. — № 3.
9. *Domanski H.* On the Verge of Convergence // Social Stratification in Eastern Europe. — Budapest, 1996.
10. *Duch R.* Participation in the New Democracies of Central and Eastern Europe: Cultural versus Rational Choice Explanations // Barnes S., Simon J. (eds.). The Post-Communist Citizen. — Budapest, 1998. — P. 195–227.
11. *Dunleavy P., Husbands C.* British Democracy at the Crossroads. — L., 1985.
12. *Eichar, Douglas M.* Occupation and Class Consciousness in America. — S.I., 1989.
13. *Evans G., Mills C.* Are there Classes in Post-Communist Societies? A New Approach to Identifying Class Structure // Sociology. The Journal of the British Sociological Association. — 1999. — Vol.33. — № 1. — P. 23–46.
14. *Evans G., Norris P.* (eds.). Critical Elections: British Parties and Voters in Long-term Perspective. — L., 1999.
15. *Evans G.* The Decline of Class Politics? — Oxford, 1999.
16. *Evans G.* The Continued Significance of Class Voting // Annual Review of Political Science. — 2000. — № 3. — P. 401–417.
17. *Franklin M.* The Decline of Class Voting in Britain: Changes in the Basis of Electoral Choice, 1964–1983. — Oxford, 1985.
18. *Ganzeboom H.B.G., Graaf P.M., Treiman D.J., Leeuw J.* A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // Social Science Research. — 1992. — № 21. — P. 1–56.
19. *Gasiorowski M.J., Power T.J.* The Structural Determinants of Democratic Consolidation // Comparative Political Studies. — 1998. — № 31. — P. 740–771.
20. *Grabher G., Stark D.* (eds.) Restructuring Networkes in Post-Socialism. Legacies, Linkages, and Licalities. — Oxford, 1997.
21. *Harrop M., Miller W.L.* Elections and Voters. A Comparative Introduction. — S.I., 1988. — P. 138–139.
22. *Helliwell J. F.* Empirical Linkages between Democracy and Economic Growth // British Journal of Political Science. — 1994. — № 24. — P. 225–248.
23. *Hout M., Brooks C., Manza J.* The Persistence of Classes in Post-Industrial Societies // International Sociology. — 1993. — № 8. — P. 259–277.
24. *Hughes J.* Transition Models and Democratisation in Russia // Ross C., M.Bowker (eds.). Russia After the Soviet Union. — L., 1999.
25. *Inglehart R., Welzel Ch.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. — Cambridge, 2005.
26. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton, 1997.
27. *Kelley J., Evans M.D.R.* Class and Class Conflict in Six Western Nations // American Sociological Review. — 1995. — Vol. 60. — P. 157–178.
28. *Kitschelt H.* The Transformation of European Social Democracy. — Cambridge, 1994.
29. *Kitschelt H.* Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities // Comparative Political Studies. — 2000. — 33 (6–7). — P. 845–879.
30. *Lane D.* The Rise and Fall of State Socialism. Industrial Society and the Socialist State. — S.I., 1996.

31. *Leiulfstrud H., Bison I., Jensberg H.* SOCIAL CLASS IN EUROPE / European Social Survey 2002/3. NTNU Samfunnsforskning / NTNU Social Research Ltd., 2005.
32. *Lipset S.M., Rokkan S.* Party Systems and Voter Alignments. — N. Y., 1967.
33. *Machonin P.* Social Cleavages and Political Conflicts in the Contemporary Czech Society / Discussion Paper FS III 01 — 406. Berlin, Social Science Research Center (WZB), October 2001.
34. *Manza J., Brooks C.* Social Cleavages and Political Change: Voter Alignments and U.S. Party Coalitions. — Oxford, 1999.
35. *Manza J., Hout M., Brooks C.* Class Voting in Capitalist Democracies since World War II: Dealignment, Realignment, or Trendless Fluctuation? // Annual Review of Sociology. — 1995. — Vol. 21.
36. *Mattei D.* From Social Class and Religious Identity to Status Incongruence in Post-Industrial Societies // Comparative Sociology, Publisher: Brill Academic Publishers. 2004. — Vol. 3. — № 2. — P. 163–197.
37. *McAllister I., White St.* Political Participation in Postcommunist Russia: Voting, Activism and the Potential for Mass Protest // Political Studies. — 1994. — №42 (4). — P. 593–615.
38. *Nieuwebeerta P.* The Democratic Class Struggle in Twenty Countries 1945–90. — S.I., 1995.
39. *Nikula J.* (ed.) Restoration of Class Society in Russia? — S.I., 2002.
40. *Pakulski J., Waters M.* The Death of Class. — S.I., 1996.
41. *Przeworski A. et al.* Democracy and Development. Political institutions and well-being in the World, 1950–1990. — Cambridge, 2000.
42. *Rose D., Pevalin D.J.* The National Socio-Economic Classification: Unifying Official and Sociological Approaches to the Conceptualisation and Measurement of Social Class // ISER Working Papers. — 2001. — № 4.
43. *Rose R., Urwin D.* Social Cohesion, Political Parties, and Strains in Regimes // Comparative Political Studies. — 1975. — 2. — P. 7–67.
44. *Rose R.* (ed.) Electoral Behavior: A Comparative Handbook. — N. Y., 1974.
45. *Russell J.* Dalton. Citizen Politics. — Chatham, 2002.
46. *Slomczynski K.M., Shabad G.* Systemic Transformation and the Salience of Class Structure in East Central Europe // East European Politics and Societies. — 1996. — Vol. 11. — 1 (Winter). — P. 155–189.
47. *Szelenyi I., Fodor E., Hamley E.* Left Turn in Post Communist Politics: Bringing Class Back in? // East European Politics and Societies. — 1997. — Vol. 11. — 1 (Winter). — P. 190–224.
48. *Vanhanen T.* (ed.) Prospects of democracy. — L., 1997.
49. *Welzel Ch., Inglehart R., Klingemann H.-D.* Human Development as a General Theory of Social Change: A Multi-Level and Cross-Cultural Perspective. Discussion Paper FS III 01-201. — Berlin, 2001.
50. *Miller W.L., White S., Heywood P.* Values and Political Change in Post-Communist Europe. — N. Y., 1998.
51. *Wright E.* Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis. — Cambridge, 1997.
52. *Zielinski J.* Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies // World Politics. — 2002. — January.
53. *Афанасьев М.Н.* Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. — 1994. — № 1. — С. 121–126.
54. *Байме К. фон.* Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей : В 2-х т. — СПб.; М.; Берлин, 2003. — Т. 2. — С. 64–104.
55. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. — С. 495–546.

56. *Данливи П.* Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Е.Б.Шестопаля. — М., 1999.
57. *Джанда К.* Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология : Хрестоматия. — М., 1997. — С. 84–143.
58. Классовое общество. Теория и эмпирические реалии / Под ред. С.А.Макеева. — К., 2003.
59. *Куценко О.Д., Грищенко В.О.* “НОМО VOTING”: вибір між раціональністю та емоціями // Регіоналізм і вибори як засоби удосконалення владних відносин в Україні: теорія і практика. — Харків, 2003. — С. 239–280.
60. *Лейн Д.* Трансформация государственного социализма: системные изменения или классовая революция? // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / Под ред. О.Д.Куценко, С.С.Бабенко. — Харьков, 2004.
61. *Лукач Г.* Классовое сознание // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. — М., 2003.
62. Образы власти в политической культуре России / Под ред. Е.Б.Шестопаля. — М., 2000.
63. *Турэн А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998.
64. *Шпедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П.* Очерк трансформации в Венгрии // Социологические исследования. — 2002. — № 6. — С. 37–59.
65. *Паніна Н.* Українське суспільство 1994–2005: соціологічний моніторинг. — К., 2005. — С.40.